
НОРМЫ И ПРАВООТНОШЕНИЯ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

М.А. Капустина

Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
В.О. 22-я линия, 7, Санкт-Петербург, Россия, 199026

Статья посвящена проблеме взаимосвязи между нормами права и правоотношениями в регулировании общественных отношений. При этом процесс правового регулирования рассматривается с точки зрения системного подхода, в рамках которого правовое регулирование не сводится только к законодательному механизму целенаправленного государственного воздействия. В статье отмечается сохраняющаяся популярность механистического подхода к правовому регулированию. Тем не менее, механистический подход не позволяет учесть происходящие в правовой сфере процессы самоорганизации (саморегулирования), интегративные (системообразующие) связи между нормами и правоотношениями. Актуальность исследования вопроса о соотношении нормы и правоотношения связана с необходимостью пересмотра ряда теоретико-практических проблем нормативно-правового регулирования в контексте интегративной юриспруденции и формированием системной концепции правового регулирования.

Использование системного подхода применительно к исследованию правового регулирования обеспечивает теоретико-практическое обобщение результатов изучения проблемы соотношения нормы и правоотношения в рамках позитивистской теории, социологической юриспруденции. Для решения сложной научно-практической проблемы формирования системы правового регулирования, отображающей все многообразие взаимосвязей, отношений и процессов, протекающих в правовой действительности, важно проанализировать процесс нормативно-правового регулирования в социологическом ключе правообразования (нормообразования, правоустановления), сведя модели права как системы норм и права как системы (сети, порядка) правоотношений в единую теоретическую картину. Обсуждение проблем взаимосвязи правовых отношений с нормами предполагает изучение вопроса о правовом регулировании в социологическом аспекте.

В результате проведенного исследования в статье сделан вывод о том, что законодательные установления не порождают сами по себе системы правовых отношений. Нелегитимированное законодательное установление оказывается не включенным в функционирующую систему правовых отношений. Системный подход к правовому регулированию общественных отношений позволяет учесть социально-психологический и информационный аспекты взаимодействия субъектов, преодолеть схематизированное (механистическое) конструирование стадий механизма государственно-нормативного регулирования и рассмотреть правовое регулирование как сложноорганизованную систему взаимосвязанных между собой норм (правоустановлений) и правоотношений.

Ключевые слова: теория права и государства; правовое регулирование; системный подход; нормы права; правоотношения; судебные правоустановления; законодательство; интегративная юриспруденция; социологическая юриспруденция; правовой порядок; механизм правового регулирования

Правовое регулирование, его «механизм» и эффективность были и остаются одной из центральных теоретико-практических проблем юриспруденции. Однако в то время как в отношении понятия права и правовой системы в рос-

сийской юриспруденции второй половины XX в. формировался широкий (интегративный) подход, в отношении понятия правового регулирования (воздействия) с 60-х гг. XX в. в российской правовой науке утвердился механистический подход, в рамках которого правовое регулирование сводилось к нормативно-правовому, а точнее государственно-правовому (законодательному) упорядочению общественных отношений. В российском правоведении механистическое понимание процесса правового регулирования было связано в определенной мере с представлениями о государстве, праве как об аппарате или машине по управлению общественными отношениями на основе издаваемых и применяемых органами государственной власти нормативных актов. При этом систему норм, точнее, систему законодательства, в российской юридической литературе рассматривают в качестве главного инструмента правового регулирования. Нормы законодательства, с позиции механистического подхода к правовому регулированию, должны воплощаться в фактическое поведение субъектов права посредством правоотношений, которые возникают, изменяются и прекращаются в соответствии с нормативными предписаниями (нормами законодательства) и без норм не существуют в принципе. Правовое регулирование, таким образом, предстает как механизм целенаправленного законодательного упорядочения общественных отношений.

Обоснование механистической концепции правового регулирования в российской юриспруденции связывают прежде всего с именем С.С. Алексеева, работавшим в своих научных публикациях 70–80-х гг. прошлого столетия такие категории, как «механизм правового регулирования», «правовые средства», «стимулы и ограничения». В частности, в 1966 г. им была опубликована работа под названием «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» [1], в которой правовое регулирование анализируется как целенаправленное юридическое (государственно-правовое) воздействие на общественные отношения и поведение субъектов. Интересно, что позже, в 90-е гг. XX в., теоретико-методологическая позиция С.С. Алексеева претерпела существенные изменения. Так, в своих работах конца XX — начала XXI в. автор обосновывал необходимость комплексного (системного) познания права, правовой системы [2, 3]. И все же, надо признать, что механистический подход к понятию правового регулирования, согласно которому система норм законодательства выступает главным инструментом регулирования общественных отношений, остается сегодня довольно распространенным в российской правовой науке. Термины «механизм правового регулирования», «юридический механизм», «механизм правотворчества», «механизм правоприменения» устойчиво вошли в профессиональный (научный и практический) юридический язык, «занимают почетное место в лексиконе юриста» [4. С. 64].

Следует согласиться с Г.В. Мальцевым в том, что устоявшийся в российской юриспруденции механистический подход к юридико-институциональным устройствам не только не смущает современных юристов, но выглядит вполне привлекательным, потому что, как кажется, привносит в хаотизированную, текучую социальную реальность точность (схематичность) и четкую соотнесен-

ность элементов, движущихся «согласно рассчитанному вектору» по геометрически правильно расположенным линиям. «В практическом плане, — указывал Г.В. Мальцев, — образ часового механизма как идеала для правового регулирования, действия правовой системы весьма привлекателен. Но есть одно обстоятельство, которое в теоретико-методологическом смысле делает этот образ неудобным для права: он оставляет в стороне существование последнего в качестве сверхсложной динамической системы, буквально врастающий в свою социальную среду, способной при известных условиях самонастраиваться и саморазвиваться» [4. С. 64].

Системный подход в теории права позволяет представить правовую систему результатом правового регулирования (воздействия), процесс которого во многом определяется взаимодействием самих субъектов права. В отличие от механистического системный подход обязывает исследователя учитывать происходящие в правовой сфере процессы самоорганизации (саморегулирования). Поэтому, с точки зрения функционирования правовой системы, ее сбалансированного существования, устойчивости, важными являются интегративные (системообразующие) связи между нормами и правоотношениями. Системный подход как исследовательская концепция охватывает собой ряд методологических принципов, применение которых определяется, прежде всего, отношением исследователя к роли и значению в правовом регулировании индивида (субъекта) как участника правоотношений. При этом право мыслится как социокультурная целостность, функционирование которой невозможно без субъектов, и, следовательно, на процесс исследования влияет и сама правовая система. Исследователь права, правового регулирования является членом общества, гражданином или апатридом. Он — участник правовых отношений, т.е. сам является в определенной мере частью системы правового регулирования, которую исследует (конструирует, моделирует). Поэтому на результат исследования — модель (мысленную, интеллектуальную) системы нормативно-правового регулирования оказывают влияние исследовательская «установка» (предварительное понимание или предположение ученого) по отношению к понятию регулирования в социуме вообще и правового регулирования, в частности, к вопросу о правовой норме, правоотношении и проблеме их соотношения [5].

Надо сказать, право как порядок (сеть) правовых отношений рассматривается в социологической юриспруденции, представители которой поставили в начале XX в. вопрос пересмотре определения понятия права в качестве системы абстрактных формализованных норм. В рамках движения (школы) свободного права в Австрии, Германии, Франции проводилось различие между «живым» (свободным) правом и «негибким» («мертвым», «книжным») законодательством. По мнению сторонников школы свободного права, право должно было изучаться на основе новой методологии во взаимосвязи с обществом, разными социальными явлениями. Системный, структурный и функциональный методы познания позволяли продемонстрировать обусловленность права фактическими общественными отношениями, объяснить правовой плюрализм. Правовые нормы, так же как и другие социальные правила поведения (нормы нравственности,

религии, каноны моды или правила хорошего тона и т.п.), рождаются в результате их взаимного признания участниками общественных отношений. [5. С. 97–100]. А суд в процессе рассмотрения конкретных дел не автоматически применяет общеобязательную норму, установленную законодателем, а, по сути, осуществляет правотворчество. В результате право предстает в качестве системы конкретных правоотношений, «живого порядка», а не системы абстрактных норм. Нормами права признаются только действующие правила. Таким образом, принижается роль законодателя в правовом регулировании и возвеличивается «судейское право», судебное и административное правотворчество, противопоставляется фактически действующее право («живое право») и закон (право, выраженное в законе). [6. С. 169–170; 7. С. 706–707].

Использование системного подхода применительно к исследованию правового регулирования обеспечивает теоретико-практическое обобщение выводов и результатов изучения процессов и видов регулирования общественных отношений с точки зрения разных типов (моделей) правопонимания. Вопросы соотношения нормы права и правоотношения, легитимации нормы в качестве условия ее существования рассматриваются в рамках позитивистской теории, социологической юриспруденции. При этом, например, движение свободного права объединяло в свое время представителей социологической юриспруденции, сторонников естественно-правовой концепции и, в определенной мере, юридического нормативизма. Для решения сложной научно-практической проблемы формирования системы правового регулирования, отображающей все многообразие взаимосвязей, отношений и процессов, протекающих в правовой действительности, важно проанализировать основные выводы, сформулированные в рамках социологической юриспруденции. [8. С. 61–62]. Исследование нормативно-правового регулирования в социологическом ключе правообразования (нормообразования, правоустановления) позволяет свести модели права как системы норм и права как системы (сети, порядка) правоотношений в единую теоретическую картину и спроектировать целостную (системную) концепцию правового регулирования на основе методологии интегративной юриспруденции.

Обсуждение проблем взаимосвязи правовых отношений (правового порядка отношений) с общеобязательными нормами законодательства, обеспечиваемыми государственным принуждением, необходимо предполагает изучение вопроса о правопорядке и законности, о критериях действительности нормы закона и ее эффективности, т.е. о правовом регулировании общественных отношений в социологическом аспекте. В концепции Е. Эрлиха, в частности, право предстает как сеть (порядок) конкретных правовых отношений. Право рассматривается в качестве системы действующих норм, складывающихся в фактических отношениях в разных сферах жизни, например, семейной, хозяйственной, политической и т.д. Вслед за Ф.К. фон Савиньи и исторической школой права, утверждавшей, что изменения, которые происходят в обществе, приводят к развитию права, Е. Эрлих считал сформулированную в законе норму отражением (фиксацией) обнаруженной законодателем «живой» нормы права, применяемой на

практике. Законодатель не должен творить (создавать) нормы права, за исключением ситуаций, когда необходимо формализовать социальные связи именно в строгом соответствии с представлениями самого законодателя. В случае произвольного (не следующего «живому» праву) законотворчества правовая система должна будет адаптироваться к установленным нормам [5. С. 211–215].

Правовые нормы рождаются в правовых (фактических) отношениях в результате их взаимного признания субъектами отношений. Источник правовых отношений обнаруживается не в законе, а в фактических отношениях, возникающих в самом обществе. Юридическая действительность (юридическая сила) нормы определяется не законом (законодателем), а ее фактическим применением на практике, т.е. ее юридической действительностью. Законодательные тексты (система норм) не могут в полной мере отражать систему конкретных правовых отношений [6. С. 147–149]. Таким образом, законодатель может вводить в правовую систему новые более приемлемые, отвечающие принципу справедливости нормы. При этом действующей, т.е. действительно правовой нормой будет только норма закона, которая реализуется большинством субъектов «в соответствии с побуждениями внутреннего порыва» [9. С. 417]. Собственно правовыми становятся те нормы законодательства, которые легитимированы, действительно применяются и упорядочивают отношения между субъектами. Правовые нормы выкристаллизовываются в фактических отношениях, поэтому не может быть недействующей (нефункционирующей) в социологическом аспекте нормы, не может существовать норма без ее легитимации. Правовые нормы не порождают правовых отношений, они формализуют, можно сказать, упорядочивают, определенным образом структурируют социальные связи. Другими словами, право — это формализованный (организованный) порядок социальных отношений [5. С. 116–121, 376–385].

Рождаясь в самих правовых отношениях, нормы меняются вместе с изменяющимися отношениями между взаимодействующими субъектами права. Поэтому, в случае устаревания нормы закона, в ситуации, когда законодательное установление прекратило свое фактическое действие (утратило свою действительность), либо норма закона не ясна, суд может вынести решение посредством «свободного отыскания права» [5. С. 414–420]. Таким образом может быть обеспечена беспробельность адекватного существующим общественным отношениям правового регулирования, его единство (системность). При этом судьи не создают новых норм, не существовавших до рассмотрения и решения спора, а обнаруживают нормы, уже сложившиеся (сформировавшиеся) в фактических общественных отношениях.

Следует отметить, что обоснование свободы судейского правотворчества представителями движения свободного права нашло отклик в исследованиях представителей американской социологической юриспруденции XX в., стремившихся исследовать систему права функционально, делая акцент на действии (действенности, эффективности) правовых норм. С функциональной точки зрения правовые нормы должны фактически регулировать (воздействовать) общественные отношения, эффективность правового регулирования определяется

соответствием его результата поставленным целям. Делая акцент на деятельности по принятию решений судьями и должностными лицами административных органов, представители гарвардской школы права (прежде всего Р. Паунд) и американские реалисты привлекли для изучения системы права в рамках социолого-функционального подхода методы психологии, социологии, этики.

Право определяется здесь как динамическая система, которая может противоречить нормам законодательства («книжному праву»), и рассматривается в контексте преследуемых ею социальных целей, функций права. При этом К.Н. Ллевеллин полагал, что правовые функции возникают в процессе регулирования отношений в любой устойчиво сформировавшейся социальной группе, например, семье¹. Правовой порядок — результат упорядочения отношений между субъектами, система (упорядоченная совокупность) правовых отношений. Право выступает средством достижения определенных социальных целей, поэтому элементы системы правового регулирования необходимо оценивать с точки зрения соотношения средств и преследуемых посредством осуществляемого регулирования социальных целей [6. С. 171–172].

В судебном решении главным является его практическая целесообразность. Общее право формируется в результате обобщения (переработки) судебных решений по схожим делам. Но социологическое (фактическое) действие норм права связано с конкретным временным периодом жизни общества, поэтому на процесс формирования «реального» права оказывают влияние общественное мнение и нравственность, а также предрассудки судей и практикующих юристов. Известно определение права О. Холмса, согласно которому право является предсказанием того, как судьи будут решать дела [10. С. 144–146]. Предсказанием «бумажные нормы» права (законодательство) рассматривались в связи с тем, что американские реалисты, в принципе, считали свойственной нормам законодательства правовую неопределенность. Правовую определенность и единообразие они стремились обнаружить в «реальном праве», которое образуется (формируется) в процессе решения конкретных споров, рассмотрения конкретных дел, т.е. в процессуальном поведении. Поэтому особое внимание американские правовые реалисты уделяли исследованию с привлечением методов психологии и социологии непосредственно поведения судей в процессе принятия решений по конкретным делам. Решение принимается посредством обнаружения судьей в процессе рассмотрения дела нормы, подходящей для конкретного индивидуального спора, а не путем оценки обстоятельств рассматриваемого дела с точки зрения их соответствия абстрактной норме закона. Норма права существует (действует) в практических отношениях, в социальном контексте. Действующая норма права, можно сказать, формируется судьей в процессе рассмотрения конкретного дела, потому что судья как бы «согласовывает» свою пози-

¹ А.В. Поляков пришел к выводу о совмещении в правопонимании К.Н. Ллевеллина идей правового реализма и правового плюрализма [9. С. 428].

цию с позициями законодателя, участников спора, адвокатов. Законодательство выступает для судьи «предсказанием» решения дела [6. С. 170–173].

Считая нормативностью официальное установление юридических правил, американские «реалисты» отвергали нормативную структуру системы права и нормативное содержание права («реального» права) вообще. Вопросы, попадающие на рассмотрение судей и административных органов — это самые разные индивидуальные жизненные ситуации, поэтому правовая сфера (сфера «реального» права) является не сферой нормативно-должного, а сферой фактического (сущего) [9. С. 427–428]. Общие (абстрактные) формализованные правовые предписания, созданные законодателем (или сформулированные в прецеденте) достаточно быстро оказываются оторванными от фактических (действительных) правовых отношений. Поэтому право, по мнению американских реалистов, не является логически последовательной и стабильной (устойчивой) системой норм, обеспечивающих определенность, предсказуемость и единообразие правового регулирования общественных отношений, поведения субъектов права. Систему «реального» права образуют решения, принимаемые по конкретным делам. Но именно принятые судьями (состоявшиеся) решения создают право, составляют систему действительного («реального») права, так как принятые решения по конкретным спорам не становятся нормами (образцами) для последующих решений по схожим делам. Решения формируются в сознании судей на основе целого спектра эмоций, интуитивных побуждений, биологических импульсов, иррациональных предрассудков, симпатий или антипатий к участникам судебного процесса и других психологических переживаний [7. С. 710–712]. «Реальное» право формируется в процессе принятия судьями решений по конкретным делам, но не посредством применения к рассматриваемым ими жизненным ситуациям нормативных (общих) предписаний, а путем создания права, т.е. осуществления на основе собственных психологических переживаний и интуиции правотворчества. Не абстрактность (общий характер) законодательных норм и прецедентов, а конкретность (индивидуальный характер) судебных решений по конкретным делам (уже состоявшихся решений) обеспечивает действительно правовой характер регулирования общественных отношений.

В результате в концепции американского правового реализма утрачивается такое свойство правового регулирования и права в целом, как формальная определенность. отождествление права с решениями по конкретным делам неизбежно приводит к тому, что правовое регулирование рассматривается в качестве не нормативного, а индивидуального упорядочения конкретных отношений между субъектами. Поэтому правовое регулирование не обеспечивает реализацию в процессе правоприменения принципа предсказуемости и правовой определенности. По сути, деятельность судей по принятию решений по конкретным делам выступает одновременно и правотворческой, и правоустановительной деятельностью. Хотя источник правообразования коренится в социальных отношениях. Предположение (догадка) о том, каким может быть судебное решение, является «вероятным» правом, но не выражает действительного права. «Реальное» право получает свое официальное выражение в конкретной юридиче-

ской практике — конкретном правопорядке. Правовой порядок отношений (правовая система) создается не законодателем, а правоприменителями в ходе решения конкретных споров, потому что вывести индивидуальное решение по конкретному делу из общей нормы закона невозможно. Система права в американском реализме не является статичной и константной, а правовое регулирование не представляет собой механизма, состоящего из определенных стадий реализации общеобязательных установлений. Правовое регулирование осуществляется судьями, которые принимают решения по конкретным делам, не будучи связанными ни законодательными установлениями, ни предшествующими решениями. Нормы выступают одним из источников судебного правотворчества в процессе вынесения судьями решений по конкретным делам, т.е. в процессе создания судьями права. Естественно-правовые принципы также не рассматривались американскими реалистами в качестве определенных стандартов принятия судебных решений. Естественно-право исторически развивается, его содержание исторически изменчиво на всем протяжении существования человечества. Принципы естественно-права должны служить основанием для критической оценки норм права с точки зрения справедливости осуществляемого на их основе правового регулирования. Но естественно-право не может обеспечить определенности правового регулирования в процессе вынесения судьями решений по конкретным делам. С точки зрения американских правовых реалистов, «реальное» право обнаруживается в сфере фактических отношений и создается судьями всякий раз, когда они принимают решения по конкретным спорам. При этом принятые решения не образуют системы общих норм (правил), судьям следует каждый раз устанавливать «соответствие» действующего права рассматриваемым фактическим (индивидуальным) отношениям. «Реальное» право изменчиво на столько, на сколько изменчивы фактические (жизненные) отношения.

Поведение людей рассматривается в качестве фактов социальной, в частности, правовой, реальности представителями uppsальской школы права, прежде всего, А. Хегерстремом, с деятельностью которого связывают формирование по сути правовой доктрины скандинавских юристов — скандинавского правового реализма. Само по себе право является идеей, представлением о должном, а не реальностью (действительностью). Поэтому право представляет собой не систему общеобязательных, обеспечиваемых внешним принуждением норм, а внутреннее чувство принуждения к правомерному поведению. И это внутреннее чувство принуждения обычно реализуется автоматически, помимо внешнего принуждения. Ученик А. Хегерстрема К. Оливекрона утверждал, что нет в реальности как такового и факта наступления неблагоприятных последствий в случае совершения правонарушения. Ограничивающая сила правовой нормы и норма сама по себе, по мнению скандинавских правовых реалистов, не являются фактами реальности, они существуют в воображении субъекта как представление о правах и обязанностях [6. С. 175–176].

Законодательное установление прав и обязанностей выступает средством правового влияния на субъектов, так как текст законодательства порождает

мысленные представления (чувства), которые существуют в реальности. Важным для формирования в мыслях людей представлений о правовых нормах (обязательны моделях поведения) становится процесс обсуждения законопроекта. При этом эффективными нормы закона становятся, с точки зрения психологии, в силу особой формы закона, которая определяется социокультурным контекстом. Принятый закон должен быть опубликован (английское — *promulgation*, от латинского *promulgare* — обнародование) в надлежащих источниках [11. С. 93–96] с тем, чтобы быть воспринятым в сознании адресатов в качестве обязательного правила поведения, правовой нормы, имеющей обязывающую (ограничивающую) силу [11. С. 73–75]. Таким образом, в скандинавском реализме право предстает как система законодательных предписаний, которые осознаются (восприняты в сознании) субъектами в качестве обязательных моделей (образцов) своего поведения (действий) в условиях социального контекста. Правовыми становятся представления субъектов правовых отношений, которые фактически реализуют юридические предписания, во многом основываясь на известной им практике принуждения и возложения неблагоприятных последствий за нарушения правоустановлений, а также опасаясь негативной реакции окружающих.

С точки зрения системного подхода к правовому регулированию важно, что действительность нормы означает не только ее регулярное соблюдение, т.е. соответствие внешнего поведения правоустановлению, но и психологическую обязательность нормы для субъектов, восприятие нормы в сознании в качестве обязательного правила поведения. Р. Алекси усматривает проблему в определении социальной действительности права с точки зрения соблюдения норм субъектами, так как полагает, что если предпосылкой соблюдения нормы считать знания и мотивы субъекта, то неясно, о какие именно знания и мотивы позволяют говорить о соблюдении нормы права [12. С. 105]. Законотворчество (правоустановление) имеет своей целью воздействие (влияние) непосредственно на волю субъектов посредством внушения им идеи необходимости следовать установленным нормам. Законодатель посредством норм побуждает субъектов к следованию правилам надлежащего поведения. Субъекты взаимодействуют друг с другом с точки зрения своих мысленных представлений об этих правилах, т.е. о своих правах и обязанностях (статусах), ожидая, что в случае судебного спора суд решит дело в соответствии с их представлениями о юридическом содержании (правах и обязанностях) правового отношения [13. С. 671–673]. Действительными законодательные правила становятся в случае, если субъекты фактически им следуют, чувствуя себя связанными взаимными правами и обязанностями, проистекающими из данных правил [14. С. 15–17]. В результате содержание юридического правила формируется в условиях определенного социального контекста в мысленных представлениях субъектов о том, исходя из каких суждений суд решит дело.

Подчеркивая взаимообусловленность действий субъектов права, правовые реалисты указывали, что в сознании субъектов под влиянием законодательных установлений формируются представления о правах и обязанностях, которые

становятся правовой реальностью. Установленные в законе обязанности эффективно влияют на волю субъектов и регулируют их поведение. В том случае, если установленные права и обязанности в реальности не существуют, действие нормы будет основано на государственном принуждении. По сути, правовые реалисты отождествили действительность нормы с ее социальной эффективностью. Нормы законов, судебные прецеденты, правовые обычаи включаются в систему права только при условии их действительности (эффективности), т.е. наличия фактов реального возникновения на их основе прав и обязанностей субъектов [11. С. 12–17, 36–38, 48–49, 122–125].

В решении вопроса о действительности нормы важная роль отводится судьям, которые в процессе рассмотрения конкретных дел могут обнаружить бездействующие законодательные установления, официально сформулированные правила, не соответствующие фактическим правовым отношениям между субъектами. «Определение места и роли судебной практики в современном праве, — пишет М.В. Немытина, — является серьезной методологической проблемой, от способов решения которой во многом зависит уровень развития общества. Особое отношение к проблеме судебной практики в современной отечественной юриспруденции объясняется такими имеющими различную природу основаниями, как: а) проверка и оценка норм позитивного права посредством практики; б) возможность реализации судейского правотворчества; в) необходимость восполнения пробелов и преодоления коллизий в нестабильном законодательстве путем принятия судебных решений» [8. С. 65].

Принимая решение по конкретному спору, суд оценивает актуальность законодательного установления и, придя к выводу о недействительности нормы в силу того, что она не воспринята (нелигитимирована) субъектами в качестве модели поведения, как бы отыскивает фактически действующую норму, т.е. по сути, осуществляет правотворчество. Судебное решение отражает реальное правовое отношение («живое» право). Однако в социологической юриспруденции трудно различить источники знания о правовых нормах (правовых отношениях) и источники права как такового. Проблемными остаются вопросы критериев «распознавания» судьей действующей в обществе нормы права и природы признания повторяющегося в практике отношений правила в качестве именно правовой, а не моральной или религиозной, например, нормы. В работах представителей социологической юриспруденции критерии, по которым можно было бы установить легитимацию нормы в качестве правового правила, практически не обсуждаются. Так, Е.Эрлих в свое время, указав на очевидность коллективного признания нормы, назвал два признака правовой нормы: социальная значимость нормы и достаточная конкретность правила поведения субъекта [5. С. 198–203].

Норма закона рационально выражает статичную абстрактную модель правового отношения, не учитывающую индивидуальные особенности «живого» (фактического) правоотношения. Юридическая действительность нормы права, таким образом, зависит не от законодателя, а от факта «действительного существования правового отношения» [6. С. 164], от возможности фактической ре-

лизации юридической защиты [15. С. 140], от реальности доступа к правосудию и возможности фактического исполнения судебного решения [16. С. 648–649]. Нормы закона представляют собой официальные установления, правовыми же нормами являются действующие на практике. Определение права как системы правовых отношений приводит в результате к смешению в философско-методологическом плане должного и сущего, в теоретико-правовом — к отождествлению юридической действительности нормы права и ее социальной действительности.

Ставя в зависимость юридическую действительность нормы от ее социальной действительности, Р. Алекси различает социологическую и юридическую действительность права [12. С. 105–106, 107–112]. По его мнению, в рамках социологической юриспруденции исследуется социальная действительность права, т.е. эффективность реализации нормы, степень ее действительности. Социальная действительность нормы означает ее фактическое соблюдение субъектами и наступления для субъектов в порядке правоприменения неблагоприятных последствий за нарушение нормы. Степень социальной действительности (эффективности) нормы права может быть разной, критерии эффективности нормы права обосновываются в социологии права. Но, так или иначе, социальная действительность нормы влечет ее социальную действительность [12. С. 105].

Юридическое понятие действительности права, как считает Р. Алекси, охватывает собой правовую действительность системы норм права и отдельных правовых норм. При этом правовая действительность может, по его мнению, рассматриваться в узком смысле и сводиться исключительно к формально-юридической действительности, т.е. надлежащему установлению нормы. Однако узкое (формально-юридическое) понимание юридической действительности нормы связано с вопросом о том, что является предпосылкой определения правовой действительности нормы, «что понимается под компетентным органом или изданием нормы в предусмотренном порядке?» [12. С. 105].

Проводя разницу между правовой действительностью отдельной нормы и системы норм в целом, Р. Алекси указывает на социальную действительность и социальную действительность правовой системы как условие ее правовой действительности. Система норм утрачивает свою правовую действительность в ситуации, при которой нормы, образующие данную правовую систему, «в общем и целом социально действительными больше не являются» [12. С. 109], т.е. они в целом не соблюдаются субъектами правовой системы или их нарушение не влечет неблагоприятных последствий (санкций). Отдельная норма, утратив свою социальную действительность и, соответственно, социальную действительность, но сохранив конституционную действительность (оставаясь частью правовой системы, согласно конституции), является юридически действительной, так как «принадлежит в общем и целом социально действительной правовой системе» [12. С. 111]. Тем не менее, даже отдельная норма, чтобы быть юридически действительной, должна обладать минимальной социальной действительностью, в противном случае норма, перестав полностью (ниже возможного в данных условиях минимума) быть социально действительной либо не имея потенци-

альной возможности социальной действенности, лишается и своей юридической действительности [12. С. 107, 111, 114].

Исследование норм права с точки зрения их функционирования в обществе обеспечивает системный подход к проблемам правового регулирования, так как включает в себя социально-психологический и информационный аспекты упорядочения общественных отношений в контексте целей нормативно-правового регулирования. Функциональное изучение права позволяет сделать вывод о том, что система правовых отношений обусловлена фактическими социальными отношениями, в частности экономическими. Право является функционирующей (действующей) системой правовых отношений — правовым порядком. Правовой порядок представляет собой упорядоченные (структурированные) отношения, т.е. систему, а не совокупность разрозненных правовых отношений. [15. С. 146–148].

Сегодня юридическая наука вообще и теория правового регулирования в частности представляют собой весьма сложные многоуровневые образования. Право, правовое регулирование стали предметом широкого спектра научных исследований: социологических, политологических, психологических, антропологических, лингвистических, кибернетических и др., результаты которых могут быть включены в правовую теорию, иметь значение для юридической практики только будучи систематизированными. Процесс правового регулирования протекает в определенном социокультурном контексте. Поэтому традиционная проблематика теории² (2) правового регулирования дополняется новыми направлениями исследований, например, антропологическими, герменевтическими, культурологическими, экологическими.

Законодательные установления (нормы закона) не порождают системы правовых отношений, так как «генетически правовые отношения предшествуют норме, как она формулируется в развитом правосознании законодателя» [6. С. 149]. Следовательно, юридическая действенность нормы, ее фактическое действие (функционирование) определяет юридическую действительность нормы, т.е. включенность нормы в правовую систему. Акцентирование внимания на действенности и действительности нормы права привело к пересмотру вопроса о соотношении нормы закона и правового отношения. Норма формируется в процессе ее признания субъектами права, но не отдельными индивидами, а обществом в целом. Фактическая реализация определенного правила в практике социальных отношений — критерий легитимации (признания) нормы. Нелегитимированное в силу разных причин законодательное установление оказывается бездействующим (не функционирующим) [15. С. 149–153] и, соответственно, не включенным в функционирующую в конкретных социокультурных условиях систему правовых отношений. Действительность нормы связана с существованием в условиях данного социального контекста в сознании субъектов пред-

² Теория (от греческого *theōria* — рассмотрение, исследование) — форма научного знания, дающая целостное (систематизированное) представление о правовой действительности.

ставлений о взаимных (связывающих их) правах и обязанностях. Эти представления о связывающих субъектов правах и обязанностях детерминированы правовой традицией и принципами, ожидаемыми решениями судей, реакцией окружающих, т.е. социально-психологическим контекстом.

Системный подход предполагает характеристику и объяснение типичных (нормативных) отношений, построение обобщенных моделей самого разного рода связей между субъектами правового регулирования, их взаимодействия друг с другом, а также прогнозирование развития этого взаимодействия, отношений между правовой системой и другими подсистемами общества, возможных изменений в элементном составе (структуре) правового регулирования. При этом правовой порядок представляет собой упорядоченные (структурированные) отношения, т.е. систему, а не совокупность разрозненных правовых отношений [15. С. 146–148]. Системный подход к правовому регулированию общественных отношений позволяет учесть социально-психологический и информационный аспекты взаимодействия субъектов, а также обусловленность правовых отношений фактическими социальными отношениями, в частности экономическими. Методология системного подхода применительно к исследованию правового регулирования, с одной стороны, позволяет преодолеть скептицизм в отношении в принципе возможности целенаправленного нормативного упорядочения общественных отношений в современных условиях, например, в интернетпространстве, а с другой — преодолевает схематизированное (механистическое) конструирование стадий механизма государственно-нормативного регулирования и позволяет рассмотреть правовое регулирование как сложноорганизованную систему взаимосвязанных между собой норм (правоустановлений) и правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.
- [2] *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2002. 608 с.
- [3] *Алексеев С.С.* Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
- [4] *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
- [5] *Эрлих О.* Основоположение социологии права. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с.
- [6] *Зорькин В.Д.* Позитивистская теория права в России. М.: Издательство Московского университета, 1978. 270 с.
- [7] История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА–ИНФРА, 1998. 736 с.
- [8] *Немытина М.В.* Трехмерная коммуникативная модель правообразования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4. С. 59–70.
- [9] *Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В.* История политических и правовых учений. 2-е изд. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. 856 с.
- [10] *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. 270 с.

- [11] *Olivecrona K.* Law as Fact. London: Stevens&Sons, 1971. 317 p.
- [12] *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
- [13] *Оливекрона К.* Право как факт // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 665–681.
- [14] *Ross A.* On Law and Justice. Berkeley: University of California Press, 1959. 383 p.
- [15] *Муромцев С.* Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879. 240 с.
- [16] *Антонов М.В.* Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 560–658.

NORMS AND LEGAL RELATIONS: SYSTEMATIC APPROACH TO THE LEGAL REGULATION

M.A. Kapustina

Saint-Petersburg State University
Law Faculty

7, V.O., 22nd Line, Saint-Petersburg, Russia, 199026

The article is devoted to the problem of connection between rules of law and legal relations in the regulation of social relationships. The process of legal regulation itself is viewed from the perspective of the systematic approach in which legal regulation is not limited by the legislative mechanism of purposeful state influence. The article points out the continuing popularity of the mechanistic approach to legal regulation. However, this approach does not enable to take into account the occurring processes in the legal sphere of self-organization (self-regulation), integrative (system-making) connections between rules and legal relations. Actuality of the researched problem is connected with the need to revise a series of theoretical and practical problems of normative legal regulation in the context of the integrative jurisprudence and formation of system conception of the legal regulation.

Use of the systematic approach for the study of the legal regulation provides theoretical and practical generalization of the results of studying the problem correlation between norms and legal relations in the framework of the positivist theory, sociological jurisprudence. To solve a complicated scientific and practical problem of formation of the system of legal regulation displaying all the variety of interconnections, relations and processes occurring in the legal reality, it is important to analyze the process of normative legal regulation in the sociological point of view (the process of creating and establishing the rules), bringing both models of law as a system of norms and law as a system (network, the order) of legal relations in a unified theoretical picture. Discussion of problem of connection between the legal relations and the rules involves sociological studying of the question about legal regulation.

The article concludes that the legal establishment does not generate by themselves a system of legal relations. Non-legitimated legislative establishment is not included into a functioning system of legal relations. The system approach to the legal regulation of social relations enables to take into account the socio-psychological and informational aspects of the interaction of subjects, overcome diagrammatic (mechanistic) creation of stages of state normative regulation mechanism and to consider the legal regulation as a complex system of interrelated norms (legal establishment) and legal relationships.

Key words: theory of law and state; legal regulation; the system approach; rules of law; legal relationships; judicial establishment; legislation; integrative jurisprudence; sociological jurisprudence; legal order; mechanism of legal regulation

REFERENCES

- [1] Alekseev SS. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1966. 187 p. (In Russ.).
- [2] Alekseev SS. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya*. Moscow: Norma; 2002. 608 p. (In Russ.).
- [3] Alekseev SS. *Pravo: azbuka — teoriya — filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya*. Moscow: Statut, 1999. 712 p. (In Russ.).
- [4] Mal'tsev GV. *Sotsial'nye osnovaniya prava*. Moscow: Norma; 2007. 800 p. (In Russ.).
- [5] Erlikh O. *Osnovopolozhenie sotsiologii prava*. Saint-Petersburg: OOO «Universitetskii izdatel'skii konsortium»; 2011. 704 p. (In Russ.).
- [6] Zor'kin VD. *Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1978. 270 p. (In Russ.).
- [7] Nersesyants VS, editor. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii*. Moscow: NORMA-INFRA; 1998. 736 p. (In Russ.).
- [8] Nemytina MV. The three-dimensional communicative model of law-making process. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. 2015;4:59–70. (In Russ.).
- [9] Kozlikhin IYu, Polyakov AV, Timoshina EV. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii*. Saint-Petersburg: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; 2015. 856 p. (In Russ.).
- [10] Adygezalova GE. *Sotsiologicheskaya yurisprudentsiya SShA v KhKh veke: formirovanie doktriny, razvitie i sovershenstvovanie pravoporyadka*. Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press; 2012. 270 p. (In Russ.).
- [11] Olivecrona K. *Law as Fact*. London: Stevens&Sons; 1971. 317 p. (In English).
- [12] Aleksi R. *Ponyatie i deistvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)*. Moscow: Infotropik Media, 2011. 192 p. (In Russ.).
- [13] Olivecrona K. Pravo kak fakt. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava*. 2008;1:665–681. (In Russ.).
- [14] Ross A. *On Law and Justice*. Berkeley: University of California Press; 1959. 383 p. (In English).
- [15] Muromtsev S. *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava*. Moscow: Tip. A.I. Mamontova i Ko; 1879. 240 p. (In Russ.).
- [16] Antonov MV. Skandinavskaya shkola pravovogo realizma. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava*. 2008;1:560–658. (In Russ.).